

С.Н. ДЯГЕЛЬ

Республика Беларусь, Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

МИФОЛОГИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА К. РАНСМАЙРА «ПОСЛЕДНИЙ МИР»)

На всем протяжении своего развития литература была тесно связана с мифологическим наследием древности. Изначально миф понимался как древнее народное сказание о богах и легендарных героях, о происхождении мира и жизни на земле. В 20 веке благодаря исследованиям К. Юнга, З. Фрейда, К. Леви-Стросса, А. Лосева и других возобладало представление о мифологии как о некоей надэпохальной форме общественного сознания, когда мифом считается «определенное представление о мире, воплощенное в отвлеченных сюжетах и образах» [1]. Степень рецепции мифов литературой была разной в разные эпохи. Так, в эпоху Просвещения и, особенно, в 19 веке наметился процесс демифологизации литературы (хотя, следует отметить, именно в то время проявился интерес немецких романтиков к национальной мифологии). Но настоящий всплеск интереса к мифу относится к рубежу 19-20 веков. Писатели разных поколений стали использовать мифологические сюжеты и мотивы, создавать стилизации и вариации на мифологические темы. Неомифологизм стал одним из средств создания жанра интеллектуального романа:

Неомифологизм заявил о себе в немецкой литературе в начале 20 века. Показательны в этом отношении романы Т. Манна, проникнутые мифологическими аллюзиями и реминисценциями: в основу романа «Волшебная гора» положен национальный миф о миннезингере Тангейзере, роман «Доктор Фаустус» отталкивается от легенды о чернокнижнике Фаусте, библейские мифы положены в основу романа «Иосиф и его братья». Но и другие писатели 20-го века демонстрируют в своем творчестве разные формы рецепции и трансформации классической мифологии. Так, А. Деблин в своем романе «Берлин. Александерплатц» интерпретирует библейские и древнегреческие мифы; библейские аллюзии характеризуют художественный мир Ф. Кафки; деконструкцию и актуализацию античной мифологии мы видим в романах К. Вольф «Кассандра» и «Медея»; мифологическая аллюзивность характерна для прозы Г. Грасса, Г. Казака, Х. Э. Носсака. Мифологичность проявляется в новейшей немецкой литературе, в первую очередь в постмодернистской прозе. Например, роман П. Зюскинда «Парфюмер» содержит цитаты и отсылки к мифологическим текстам (Библия, «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше).

Миф является главным способом организации повествования романа Кристофа Рансмайра «Последний мир» (Die letzte Welt). Появившийся в

1988 году этот роман сделал австрийского писателя известным широкой публике. Сюжетный каркас романа образуют «Метаморфозы» Овидия (известно, что сначала К. Рансмайр по совету известного немецкого поэта Г. М. Энценсбергера планировал прозаический перевод поэмы), в которых древнеримский поэт повествует о превращениях, произошедших со времен сотворения мира согласно греческой и римской мифологии. Знаменитая книга Овидия, являясь уникальным по своему охвату сборником античных мифов, стала одним из основных источников мифологических образов для всей последующей европейской культуры. Роман посвящен судьбе известного поэта позднего Рима, при этом он не является его жизнеописанием, более того, на протяжении всего романа Овидий так и не появится среди персонажей. Сосланный в 8 году нашей эры в захолустный черноморский городок Томы за проявленную им непочтительность к императору Овидий, перед тем, как покинуть Рим, сжигает рукопись своих «Метаморфоз». Спустя годы после изгнания до Рима доходит слух о его смерти и Котта, друг Овидия, отправляется на поиски поэта и его главного произведения. Прибыв в Томы, он обнаруживает, что город населен странными людьми: мясник Терей и его жена Прокна, глухонемая ткачиха Арахна, говорливая торговка Молва, лилипут-киномеханик Кипарис, канатчик Ликаон и другие. Как быстро становится понятно, жители города носят имена героев Овидиевых «Метаморфоз», судьба каждого из них совпадает с метаморфозами соответствующих персонажей поэмы. Так прибывший из просвещенного и рационального Рима Котта обнаруживает, что находится в реальности текста «Метаморфоз».

С мифом связаны все эпизоды романа. Наложение мифа на реальность приводит к тому, что хронотоп романа представлен в двойном освещении. На первый взгляд, сюжет романа разворачивается в эпоху Древнего Рима, однако уже с первых страниц в повествование вторгаются приметы современности: едва сойдя с корабля в Томах Котта видит расписание автобусов, лилипут Кипарис привозит в город киноустановку, Овидий произносит свою речь на римском стадионе в микрофон и т. д. Игра со временем, смешение эпох характерны для постмодернистского романа, но в романе Рансмайра не происходит модернизация мифа, по словам А. В. Карельского «... общая архаичность атмосферы выдерживается неуклонно» [2, с.255]. Автор не ставит перед собой цель столкнуть и противопоставить две эпохи – поздний Рим и наше время. Он «оживляет» миф, создает модель мира с особой структурой времени и пространства, где ход событий определяет не течение исторического времени, а время мифа с его атмосферой вневременности. Принцип двойного измерения определяет и художественное пространство романа: действие разворачивается в Томах и, в воспоминаниях Котты, в Риме. Исторически достоверный мир эпохи

императора Августа служит в романе фоном для авторских размышлений о судьбах европейской цивилизации, о взаимоотношениях художника и власти, о тоталитарном государстве и управляемых массах. Но главное место действия романа – это Томы, мир которых полностью мифологизирован. Томы, город рудоплавов и рудокопов, – это «железный» город, в нем все из железа: крыши домов, двери, ставни, ограды. Этот город являет собой зримое воплощение железного века из «Метаморфоз» (в своей поэме Овидий излагает миф о стадиях существования человечества, какими были золотой век и пришедшие ему на смену худшие века – серебряный, медный и, самый жестокий, железный). Жизнь в этом городе сурова и беспросветна, в нем живут рано стареющие женщины и изможденные тяжким трудом мужчины, здесь разворачиваются кровавые драмы, как в семье мясника Терей. Это мир на грани распада и катастрофы, пустеют и ветшают дома, покрываясь ржавчиной, камни и сели с гор обрушиваются на город, а жители города исчезают, превращаясь в камни и птиц.

С метаморфозами, превращениями связаны все уровни смысла романа. Здесь все подчиняется девизу Овидия: «Не сохраняет ничто неизменным свой вид». Меняются пейзажи, рушатся и воздвигаются горы, первобытная растительность захватывает после многодневного дождя город. Однако главные метаморфозы, реальные и воображаемые, претерпевают судьбы отдельных людей. Батт, сын торговки Молвы, поклоняющийся фильмоскопу как божеству, сам превращается в каменный идол, карлик Кипарис в своих мечтах превращается в кипарисовое дерево, зимородками оборачиваются безутешная Алкиона и ее погибший супруг Кеик, в птиц превращаются Филомела, Прокна и Терей. «Камень» и «птица» являются сквозными символами романа, воплощая оппозицию *верх – низ* [2]. «Железной» земле в мире «Метаморфоз» противопоставлено небо, стремление ввысь видится поэтом как избавление от мерзости жизни, как последняя метаморфоза природы и человека. При всей натуралистичности описания мир Томов представляет собой модель человеческого бытия, которое состоит из эпизодов в бесконечной цепи метаморфоз. Гибнут народы и цивилизации, но жизнь вечна, на смену старому приходит нечто новое. После всех катастроф железного века жизнь не заканчивается, начинается новый миф: в конце романа на месте снесенных камнепадом селений возникает новая гора – Олимп.

Таким образом, деконструкция мифа в романе К. Рансмайра позволяет выйти за рамки конкретно-исторических параметров и показать через призму мифологических образов действие общечеловеческих, универсальных законов, а гибкая форма мифа привносит в роман усложненную символику, смысловую многослойность, параболический характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб: Паритет, 2007. – 320 с.
2. Карельский, А. В. Метаморфозы Орфея. Беседы об истории западных литератур. Вып.2 Хрупкая лира. Лекции и статьи по австрийской литературе 20-го века / А. В. Карельский. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 303 с.
3. Рансмайр, К. Последний мир / К. Рансмайр – М.: Изд-во ЭКСМО, 2003. – 256 с.